

О ФОРМИРОВАНИИ ТУШЕМЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДНЕПРО–ДВИНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

ЕВГЕНИЙ АЛЬФРЕДОВИЧ ШМИДТ

В жизни племен Верхнего Поднепровья и Подвинья III–VII вв. н.э. были периодом весьма сложным. В это время происходили значительные изменения, связанные и с социально–экономическими отношениями, и с переселением племен в лесной зоне Восточной Европы. Основные источники, освещающие III–VII вв., представлены археологическими материалами, тогда как письменные источники об этом времени для территории верховьев Днепра и Западной Двины практически отсутствуют. Это затрудняет решение многих вопросов, связанных с духовной жизнью населения того времени и с особенностями этногенетических процессов. Однако, имеющиеся материалы дают достаточно оснований говорить о смене археологических культур: в III–IV вв. произошел переход от днепро–двинской культуры типа среднего слоя городища Тушемля к собственно тушемлинской культуре, которая в VII в. прекращает свое существование, а на этих пространствах распространяется новая культура Смоленско–полоцких длинных курганов. Археологические материалы пока не обширны и не всегда однозначны, поэтому решения многих вопросов, в том числе и вопросов формирования тушемлинской культуры и ее этнопринадлежности, находятся в области гипотез.

Разработка этих проблем актуальна в связи с тем, что во второй половине I тысячелетия происходили процессы, приведшие к смене этноса и формированию смоленско–полоцких кривичей, известных и по письменным древнерусским источникам.

В 1950-х годах на левобережье Днепра в районе Смоленска, включая верховья Сожа, изучение древностей железного века и раннего средневековья проводил П. Н. Третьяков. Им были исследованы городища–убежища Тушемля, Городок, Прудки, Слобода–Глушицы, Вошкино, Лахтево, Колычово, Асташково, Шапырево и селище Устье (Третьяков, 1963, с. 9–129). В результате этих работ была

выделена тушемлинская культура середины и третьей четверти I тысячелетия и определена ее этническая принадлежность (Третьяков, 1958, с. 170–186). В это же время в ходе изучения древнерусских сельских поселений в пределах левобережья Днепра в районе Смоленска В. В. Седовым был собран значительный материал, относящийся к тушемлинским древностям (Седов, 1960, с. 127–154). Начиная с конца 1950-х гг., автор настоящей статьи в Поднепровье вел раскопки городищ–убежищ Демидовка, Близнаки, Васильево и селищ Куприно, Колодня, Слобода–Глушицы, Еловцы, а также в бассейне левобережной Западной Двины – селищ Заозерье, Микулино, Заборье, Дуброво, Аносинки, Акатово, Кислая, Шугайлово, Ерилово, городища–убежища и грунтового могильника у д. Акатово (Шмидт, 1963, с. 51–67; 1970, с. 63–69; 1972, с. 3–46; 1994, с. 104–113). С 1980-х гг. в оршанско–могилевском бассейне Днепра проводили работы белорусские археологи А. А. Седин, О. Н. Левко, Ю. В. Колосовский. Ими были исследованы городища–убежища и селища (Седин, 1995, с. 131–152; Левко, Колосовский, 1994, с. 133–141; Колосовский, 1996, с. 43–44). В витебско–полоцком течении Западной Двины аналогичные работы проводили В. И. Шадыро и Г. В. Штыхов, при этом частично был охвачен исследованиями район верхнего течения р. Ловати (Шадыро, 1999, с. 359–376; Штыхов, 1992, с. 21–40). В контексте изучения раннесредневековой истории племен Верхнего Поднепровья и Подвинья отдельные аспекты, связанные с тушемлинской культурой, рассматривались в специальных работах (Седов, 1970, с. 48–53; 1994, с. 303–304; 1995, с. 218–223; Третьяков, 1970, с. 61–64; 1982, с. 88–91; Русанова, 1970, с. 56–84; Митрофанов, 1978, с. 84–158; Медведев, 1994, с. 15–37; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 90–98; Перхавко, 1992, с. 86–88). В вышеуказанных работах сформулированы многие проблемы истории племен раннего средневековья Верхнего Поднепровья и Подвинья, но часть из них высказана только в виде

гипотез, не всегда обоснованных фактическим материалом. Это относится также и к проблеме формирования тушемлинской культуры.

Археологические данные и сведения по гидронимии Верхнего Поднепровья и Подвинья четко фиксируют наличие на этих пространствах в I тысячелетии двух этнических групп: балтов и славян, определявших на определенных отрезках времени характер всей культуры. При этом к началу II тысячелетия балты как этнос постепенно перестали существовать, а славяне окончательно закрепились на всех этих пространствах. Особенности взаимоотношений этих двух этносов, как и время расселения славян в пределы Верхнего Поднепровья и в Подвинье, до сего дня остаются дискуссионными. Некоторые исследователи считают, что расселение славян вверх по Днепру произошло в I–II вв. н.э. непосредственно зарубинецкими племенами (Поболь, 1969, 1970 и 1973; Симонович, 1966, 1972), а следовательно, тушемлинская культура является прямым продолжением развития славянской зарубинецкой культуры. В качестве доказательства этому приводятся находки профилированной керамики на городищах в районе Орши на Днепре и в других местах, но при этом не учитывается, что вся материальная культура этих поселений входит в круг балтских древностей, т.е. балтская принадлежность этих городищ I–III вв. бесспорна.

Гипотеза об ассимиляции днепровских балтов непосредственно зарубинецкими племенами в процессе их расселения вплоть до верховьев Днепра и Западной Двины была проанализирована и показано, что, возможно, некоторые небольшие группы зарубинецкого населения в I–II вв. и проникали в Смоленское Поднепровье, но они в среде балтского населения не сохранили своей культуры и были ассимилированы, хотя некоторые элементы культуры от них были восприняты местным населением (Шмидт, 1992, с. 134–140; 1996, с. 34–35). Однако, это не исключает возможности появления новых элементов в культуре балтского населения (культурные связи, обмен), т.е. без расселения зарубинецких племен в их среде.

Другие исследователи считают, что образование тушемлинской культуры произошло за счет расселения славянских позднезарубинецких, в том числе и киевских, племен в III–V вв. Они и определили характер всей культуры, а местные балтские племена были либо вытеснены к северу, либо ассимилированы. Таким образом, тушемлинская культура включалась в круг древностей славянства, привнесенных из северной части Среднего и южной части Верхнего Поднепровья (Терпиловский, 1991, с. 36–39; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 95–97). Есть и другая точка зрения

о формировании тушемлинской культуры за счет расселения славян с начала V в., но не с юга из Поднепровья, а с запада из Повисленья и Малопольши. Соответственно переселившиеся славяне определили и формирование, и все дальнейшее развитие тушемлинской культуры как славянской (Седов, 1995, с. 218–223).

Существует мнение о расселении славянских позднезарубинецких племен в среде балтских тушемлинских племен в Смоленском Поднепровье, и о длительном сосуществовании в V–VII вв. на этих пространствах параллельно двух культур: славянской (типа Лахтево, Демидовка) и балтской (типа Тушемля, Городок), каждая из которых формировалась самостоятельно на основе предшествующих субстратных культур разных территорий, а в ходе исторического развития славянская культура не только распространилась, но и окончательно утвердилась, а балтская – прекратила свое существование (Третьяков, 1966, с. 280; 1970, с. 63–64). И. П. Русанова детально проанализировала древности племен Верхнего Поднепровья и на основе изучения керамики и других материалов третьей четверти I тысячелетия пришла к выводу, что к северу от Припяти по Днепру существовали племена, имевшие свои особенности в материальной культуре и, в частности, что между славянской керамикой (типа Корчак) и тушемлинской керамикой нет ничего общего. “Различие этих культур подчеркивается их разным происхождением и совсем непохожей судьбой”. В ходе исторического развития славянские культуры типа Корчак и типа Лука–Врублевецкая непосредственно влились в древнерусскую культуру, а тушемлинская культура, как и другие балтские культуры Верхнего Поднепровья, “не имела непосредственного продолжения и была перекрыта более поздними славянскими культурами”. А сформировалась тушемлинская культура “на основе местных балтских культур раннего железного века” (Русанова, 1976, с. 82–84). Выводы И. П. Русановой о происхождении раннесредневековых культур типа Тушемля–Банцеровщина разделял А. Г. Митрофанов. В монографии о железном веке Средней Беларуси, проанализировав основные материалы, он пишет: “... мы с полным основанием можем полагать, что культура типа верхнего слоя Банцеровского и Тушемлинского городищ окончательно сложилась на базе местных культур” – днепровской и штрихованной керамики (Митрофанов, 1978, с. 118). В целом этой же концепции придерживается А. М. Медведев. Рассматривая историю Беларуси в железном веке, он приходит к выводу о формировании тушемлинской культуры, как и других синхронных культур Верхнего Поднепровья и Подвинья, на основе местных балтских культур предшествующего времени. После их сложения на

протяжении третьей четверти I тысячелетия сохранялась их балтская принадлежность. Но расселение славян в северной части Поднепровья и в Подвинье, по его мнению, происходило не ранее IX в. (Медведев, 1994, с. 33–37). Автор настоящей статьи также считает, что формирование тушемлинской культуры происходило на основе позднего этапа развития днепро-двинской культуры (типа среднего слоя городища Тушемля) и к V в. процесс сложения культуры закончился (Шмидт, 1994, 107–108).

Таким образом, по вопросу о формировании тушемлинской культуры и ее этнической принадлежности взгляды исследователей значительно расходятся. Некоторое из вышеприведенных гипотез не подтверждены фактическими материалами или же обоснованы специально подобранными артефактами с использованием только иллюстративного метода без всестороннего анализа всей суммы источников. Конечно, использование таких методов приводит к разбросу мнений и появлению гипотез, взаимоисключающих друг друга.

При рассмотрении особенностей формирования тушемлинской культуры, как и других раннесредневековых культур Верхнего Поднепровья (банцеровской, колочинской) и определении времени этих процессов, возникают значительные трудности. Это обусловлено наличием лишь небольшого количества хорошо датированных вещей, происходящих из ограниченного числа памятников, и отсутствием точно датированных комплексов, что затрудняет определение времени возникновения и существования как отдельных памятников, так и этапов формирования культуры в целом. Опираясь суммарно на весь имеющийся материал, предварительно можно выделить три периода в существовании тушемлинской культуры: 1. Становление культуры – конец III–IV в.; 2. Развитие и стабильное существование культуры – V–VI вв.; 3. Угасание культуры – VII в., и на рубеже VII и VIII вв.

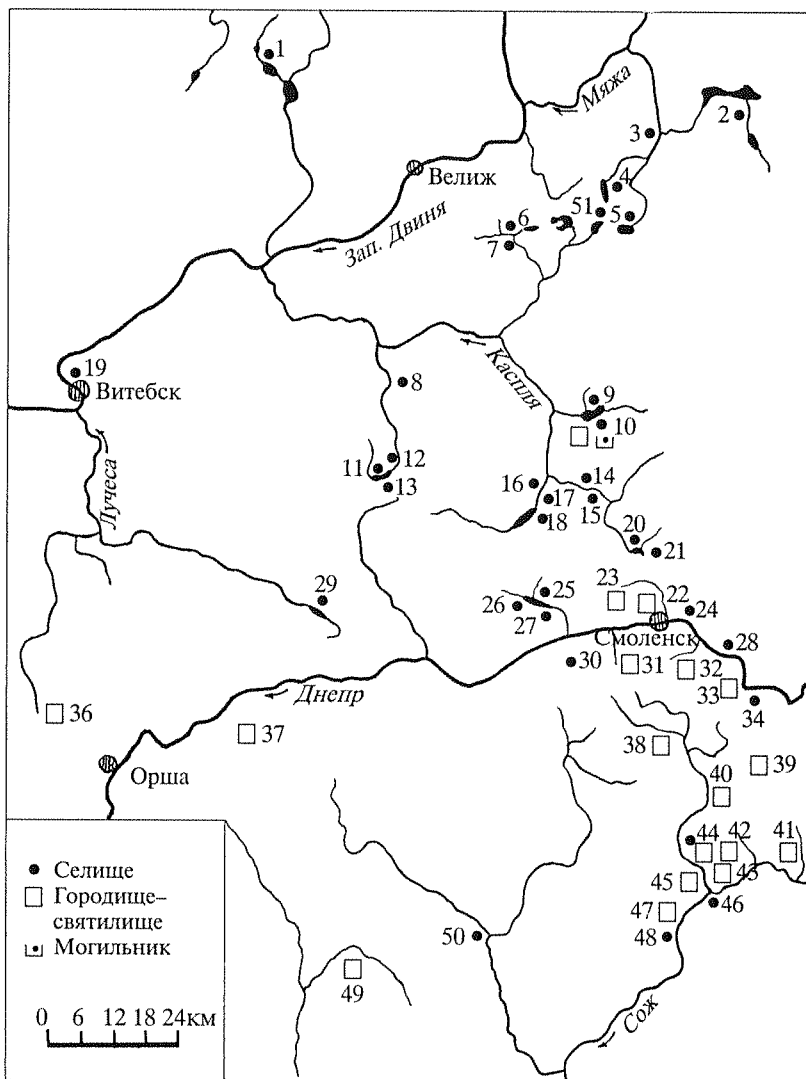

Рис. 1. Схема размещения археологических памятников тушемлинской культуры в междуречье Днепра и Западной Двины: 1 – Узмень, 2 – Берково, 3 – Подосинки, 4 – Ерилово, 5 – Пржевальское, 6 – Шугайлово, 7 – Сокорово, 8 – Ковали, 9 – Дроково, 10 – Акатово, 11 – Микулино, 12 – Заозерье, 13 – Переволочье, 14 – Курьлы, 15 – Кислая, 16 – Семеново, 17 – Алфимово, 18 – Каспля, 19 – Витебск, 20 – Дуброво, 21 – Заборье, 22 – Близнаки, 23 – Вязовенька, 24 – Колодня, 25 – Куприно, 26 – Будково, 27 – Катънь, 28 – Соколя Гора, 29 – Озеры, 30 – Цурковка, 31 – Демидовка, 32 – Церковище, 33 – Шапырево, 34 – Березинка, 35 – Германы, 36 – Черкасове, 37 – Вежки, 38 – Лахтеево, 39 – Вошкино, 40 – Колычево, 41 – Городок, 42 – Прудки, 43 – Асташково, 44 – Слобода–Глушица, 45 – Тушемля, 46 – Устье, 47 – Васильево, 48 – Еловцы, 49 – Никодимово, 50 – Петрополье, 51 – Аносинки.

тушемлинская культура прекратила свое существование.

Материалы, полученные в результате работ вышеуказанных исследователей, дают основание для обсуждения проблемы формирования тушемлинской культуры в целом, и в междуречье Днепра и Западной Двины в частности. Рассматриваемая территория междуречья включает пространства Поднепровья от района г. Орши до района г. Смо-

ленска и Подвинье от г. Витебска до устья р. Межи, а также всю территорию между двумя участками этих рек (рис. 1).

Известно, что на рассматриваемых пространствах в предшествующее время обитали племена позднего этапа днепро-двинской культуры раннего железного века. Исходя из некоторых различий в материальной культуре, еще в раннем железном веке выделялось два варианта этой культуры: на северо-западе – западнодвинский вариант; на юго-востоке – днепровский вариант (Шмидт, 1992, с. 21–22; Шадыро, 1985, с. 109–111). Граница между вариантами днепро-двинской культуры проходила несколько северо-западнее линии водораздела в бассейне Западной Двины. Общее развитие этих двух вариантов культуры в первой половине I тысячелетия происходило не совсем одинаково, хотя единство в значительной степени сохранялось. В первых веках н.э. зарубинецкие племена расширяют занятую ими территорию вверх по Днепру не только за счет северной окраины земель милоградских племен, но и частично за счет южных окраин земель днепро-двинских племен в бассейне уже могилевского течения Днепра и его притоков. Определенные импульсы, исходившие из этих областей, ощущались на значительных территориях левобережья Смоленско-Оршанского Поднепровья, включая верховья р. Сожа, заселенные еще днепро-двинскими племенами. Конкретно это проявилось в распространении приема лощения части глиняных мисок, в некотором изменении формы верхней части сосудов, т.е. к образованию профилированных форм, часть которых орнаментировалась по краю венчика и по плечу насечками или защипами типа среднего слоя городища Тушемля (Третьяков, 1963, с. 54, рис. 19). Появились некоторые новые формы металлических предметов (фибулы, серпы с крючком и др.). Но это не привело ни к утрате основных элементов культуры, ни к смене этноса, так как сохраняются традиционные места поселений – городища с наземными жилыми и хозяйственными постройками, с овальными очагами на поверхности земляного пола. На городищах возводятся святилища в виде круглых столбовых сооружений, не меняется, а сохраняется погребальный обряд в таком виде, в каком он был в предшествующий период после середины I тысячелетия до н.э. у днепро-двинского населения, сохраняется использование глиняных грузиков “дьякова типа”, орнаментация которых одинакова с орнаментацией глиняных профилированных сосудов (Третьяков, 1963, с. 54–59, рис. 19–22; Шмидт, 1992, с. 136–138, 206; таб. 34:12, 13; 86:11, 12).

На правобережье Днепра профилированная керамика встречается реже и не на всех городищах, где были найдены глиняные грузики таких же типов

с одинаковой орнаментацией. Все эти особенности сохраняются в Смоленском Поднепровье до конца периода использования городищ в качестве мест поселений, видимо, до конца III в.

На городищах западнодвинского варианта днепро-двинской культуры находки профилированной керамики очень редки и обнаружены в бассейне Западной Двины в ее велижском течении (Шмидт, 1992, с. 206). В течение первых веков в Подвинье традиционно сохраняется слабопрофилированная керамика, но значительная часть сосудов теперь украшается рядом округлых отверстий ниже края венчика по шейке (Шадыро, 1985, с. 73, рис. 45:3 и 46:2; Шмидт, 1992, таб. 40:8, 12, 13). В верхнем течении Западной Двины на городищах, существовавших после рубежа н.э., бытовали грузики “дьякова типа”. Таковые найдены на городище Староселье на юге Псковской области (Миносян, 1972, с. 135–137, рис. 3), на городищах Курево, Подгай, Михайловское в Тверской области (Станкевич, 1960, с. 38–95, рис. 21, 32, 55) и в пределах Беларуси на городище Кострица (Шадыро, 1985, с. 85, рис. 60). Вместе с тем и другие особенности, отмеченные нами для днепровского варианта культуры, сохранялись на Западной Двине до IV в., а может быть, в отдельных местах и до V в.

В III–IV вв. в жизни днепро-двинских племен наступают значительные перемены и заканчивается длительная стабильная эпоха обитания на городищах. Происходит изменение материальной культуры и общественных отношений, т.е. идет процесс формирования тушемлинской культуры. Этому в значительной степени способствовали изменения природных условий, когда к концу первой четверти I тысячелетия наступает период регрессии, характеризующийся уменьшением количества осадков и понижением как уровня грунтовых вод, так и уровня воды в водоемах (Микляев, 1995, с. 33, 37). Это привело к пересыханию родников и мелких ручьев и рек, у которых преимущественно располагались поселения-городища. С понижением уровня грунтовых вод ухудшились условия для ведения подсечно-огневого земледелия на высоких участках коренных берегов рек и озер. Население было вынуждено начать переход к использованию ранее заболоченных или же находившихся под водой участков с почвами заиленными, но плодородными и оставшимися в достаточной степени увлажненными, которые требовали других приемов обработки, по сравнению с подсекой, и других орудий труда. Эти пойменные участки превращались в поля для посевов зерновых культур или в пастбища для скота. В связи с этими природными изменениями в III–IV вв. произошел переход населения с укрепленных поселений-городищ на пологие склоны берегов водоемов или на невысокие

песчаные останцы в поймах рек, где устраивались неукрепленные поселения–селища, расположенные поблизости и от воды и от вновь освоенных земель. Примерами таких селищ на рассматриваемой нами территории являются: Аносинки, Березинка, Заозерье, Катынь, Куприно, Слобода–Глушица, Цурковка, Шугайлово, Акатово и др. (рис. 1).

Одновременно в конце III–IV вв. происходит изменение материальной культуры в ходе становления новой общности людей на основе днепровских племен. Сложилась новая археологическая культура и сформировалась новая группа племен, называемых тушемлинскими.

В этот период изменялся характер производства в основных отраслях хозяйства. Подсечное земледелие, бывшее основой в предшествующую эпоху, по–прежнему практиковалось и играло некоторую роль. Об этом свидетельствуют данные споропыльцевых анализов культурного слоя поселений. К примеру, на городище–убежище Акатово, использованном в V–VII вв., обнаружена пыльца кипрея и других растений, подтверждающих наличие вокруг поселения открытых пространств, вырубок и гарей, что указывает на освоение значительных участков земли с помощью подсечно–огневой системы (Шмидт, 1972б, с. 66–68). Одновременно с существованием подсечной системы земледелия поймы рек и пологие склоны низких и увлажненных берегов использовались для пашенного земледелия с применением рала и тягловой силы скота, т.е. началось введение новой системы земледелия. Это подтверждается находками деревянного рала на территории Верхнего Поднепровья в Белоруссии у д. Каплановичи на краю поселения, датированного первой половиной I тысячелетия (Поболь, 1967, с. 117–127). Аналогичное рало было найдено и на Брянщине (Шрамко, 1964, с. 84–100). В пределах Смоленского Поднепровья на городище–убежище Близнаки найдена часть железного наральника. Пашенное земледелие этого времени подтверждается составом сорняков, найденных вместе с обуглившимся зерном на городище–убежище Никодимово. Там были: подмаренник, марь белая, дрема, пикульник, горец вьюнковый, куколь и др., из них марь белая, подмаренник, пикульник и некоторые другие сорняки характерны для яровых посевов и при этом марь белая – типичное растение старопахотных почв (Седин, 1994а, с. 117–118). Тушемлинское население из культурных растений выращивало: ячмень (двурядный и многорядный), мягкую пшеницу, полбу–двузернянку, рожь, овес, просо, лен, коноплю, кормовые бобы и горох (Шмидт, 1972а, с. 66–69; Седин, 1994а, с. 115–118). Видовой состав домашних животных у тушемлинских племен был таким же, как и у днепро–двинских племен в I тысячелетии до н.э. (Шмидт, 1992, с. 62–71).

В III–IV вв. – в период формирования тушемлинской культуры и в последующем, производство глиняной посуды, прядение и ткачество, изготовление различных предметов из кости и дерева в основном носило характер домашнего производства. Но есть достаточно оснований считать, что происходил процесс отделения ремесла от других занятий. Получение железа и его кузнечная обработка, также изготовление вещей из цветных металлов (медь, бронза, серебро) уже стало вырабатываться мастерами–специалистами. Это подтверждается находками скопления литейных форм разного характера в пределах одной постройки (Шугайлово) или огромного количества шлаков и бракованных железных криц в пределах поселений (Аносинки, Курлын и др.), однотипностью изделий и сложностью технических приемов, использованных при их изготовлении (оружие из углеродистого железа, украшения, инкрустированные эмалью и пр.). Обмен с другими племенами стал более регулярным, что подтверждается многочисленными находками привозных вещей (стеклянные бусы, изделия из бронзы и серебра и даже керамика).

Изменения в сфере производства (земледелие, ремесло, обмен) привели к значительным переменам в области общественной жизни: совершался переход от патриархальной родовой общины к сельской территориальной общине, и появлению частной собственности. Появление частной собственности в этот начальный период еще не привело к резкой имущественной дифференциации, поскольку это не прослеживается в археологических материалах: в размерах жилищ и их планировке, в погребальных сооружениях и в сопровождающем погребения инвентаре. Но накопление некоторого богатства у отдельных семей имело место, поскольку в разрушенных и сожженных убежищах VI–VII вв. в пределах отдельных помещений обнаружены клады: Близнаки, Демидовка (Шмидт, 1967, с. 37); Никодимово (Седин, 1994б, с. 16–19); Вежки (Колосовский, 1997, с. 38, 75).

Таким образом, в жизни племен Верхнего Поднепровья и Подвинья после III в. произошли большие изменения в земледелии, ремесле, связях и обмене с другими племенами и в общественных отношениях. Это признается всеми исследователями, изучающими раннее средневековье Восточной Европы. Спорным остается этническая принадлежность носителей тушемлинской и других культур Верхнего Поднепровья и Подвинья этого времени. Как уже ранее было показано, по вопросу об этнической принадлежности тушемлинской культуры есть различные точки зрения. Материалы, полученные в последние годы в результате изучения археологических памятников в междуречье Днепра

и Западной Двины, дают возможность еще раз обратиться к этой проблеме. Поселения, возникшие в конце III – первой половине IV в.: Заозерье, Микулино, Шугайлово, Куприно и др., содержали керамический комплекс, отражающий переход от днепро-двинской культуры к тушемлинской. При этом на селище Микулино получен закрытый комплекс из заполнения одной постройки (Шмидт, 1983, с. 103–104 и 1984, с. 102–103). Селище Микулино находится на северо-восточном пологом склоне берега оз. Глыбай на западной окраине села Микулино Руднянского района Смоленской области. Озеро Глыбай расположено на водоразделе между Днепром и Западной Двиной, но небольшой протокой соединяется с озером и рекой Рутавечь, входящими в систему рек Западной Двины. Такое местоположение селища в значительной степени определило характер его материальной культуры. К сожалению, в пределах селища в XIII–XIV вв. было устроено кладбище и значительная его часть испорчена могилами, что ограничивало возможности раскопок.

На раскопанном участке селища, кроме погребений XIII–XIV вв., обнаружены остатки постройки периода формирования тушемлинской культуры. Для ее возведения была выравнена площадка, при этом ее северо-восточный край был врезан в материк на глубину до 0,8 м, тогда как юго-западный край выходил на поверхность материка и даже на одном участке был подсыпан песчаным грунтом. Выравненный участок имел ширину около 4 м при длине до 14 м. Наземная столбовая постройка, видимо, занимала не весь сnivelированный участок, а располагалась на его большей части на западной стороне. Она была в плане прямоугольной при ширине около 3,2 м и длине не менее 10 м. Постройка использовалась длительное время и по мере нарастания в ней культурного слоя ее пол нивелировался, а очаг разрушался и растрескавшиеся камни из него встречались в культурном слое. В последний период существования постройки очаг размещался на выравненном земляном полу выше уровня материка на 0,25–0,28 м. Он был в плане овальной формы при размерах 2,3x1,1 м при максимальной толщине до 0,18 м. Его заполнение состояло из дресвы гранита.

В культурном слое заполнения постройки обнаружено большое количество фрагментов глиняных сосудов нескольких типов и отдельные вещи из железа: серповидный нож, шило, плоский нож (рис. 2:20), вероятно, использованный для нарезания глиняных лент и заглаживания стенок сосудов, и другие изделия из глины: усеченнобиконические пряслица и грузик “дьякова типа” (рис. 2:19). Керамика представлена несколькими типами: 1. Слабопрофилированные лепные сосуды с грубой поверхностью, имеющие ниже края

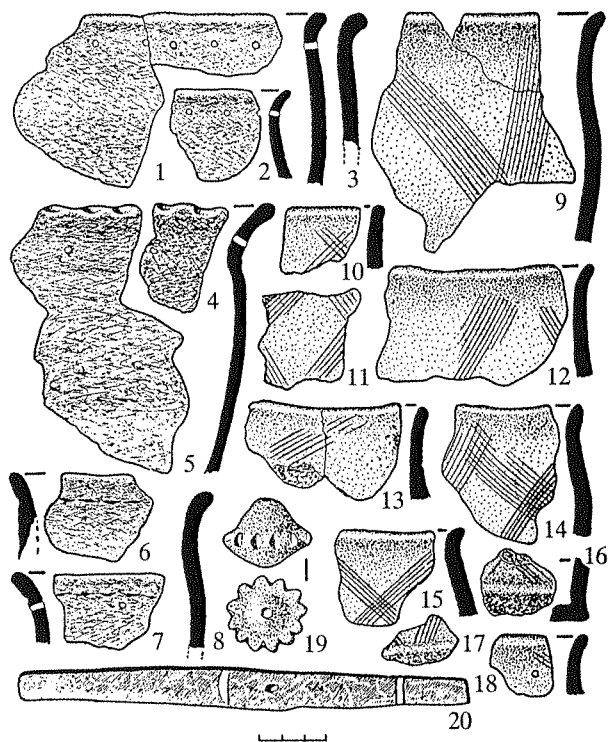

Рис. 2. Селище Микулино. Керамика и вещи из постройки: 1–18 – фрагменты лепных орнаментированных сосудов; 19 – глиняный грузик “дьякова типа”; 20 – железный нож.

венчика, как бы по горлу, ряд отверстий (рис. 2:1, 2). Такого типа керамика была распространена в бассейне Западной Двины на территории Белоруссии и известна из поселений на городищах западнодвинского варианта днепро-двинской культуры (Шадыро, 1985, с. 73, рис. 45:3 и 46:2). 2. Профилированные лепные сосуды с грубой поверхностью, украшенные по краю венчика защипами (рис. 2:4, 5). Керамика этого типа распространена преимущественно в бассейне Днепра и она характерна для днепровского варианта днепродвинской культуры и бытовала в последний период существования поселений на городищах типа среднего слоя Тушемли (Третьяков, 1963, с. 54, рис. 19 и 22; Шмидт, 1992, с. 96, 135, рис. 18:1). Такого типа керамика была и на некоторых городищах в междуречье Днепра и Западной Двины (Акатово, Боталово, Холм, Ковали) (Шмидт, 1992, с. 206). В керамике из постройки на селище Микулино проявляется как бы соединение традиций днепровского и западнодвинского вариантов днепродвинской культуры: на сосудах профилированных по горлу, нанесен ряд отверстий или единичные отверстия (рис. 2:5), а на сосудах западнодвинского варианта на шейке бывают отпечатки веревочки (рис. 2:6), что было широко распространено на

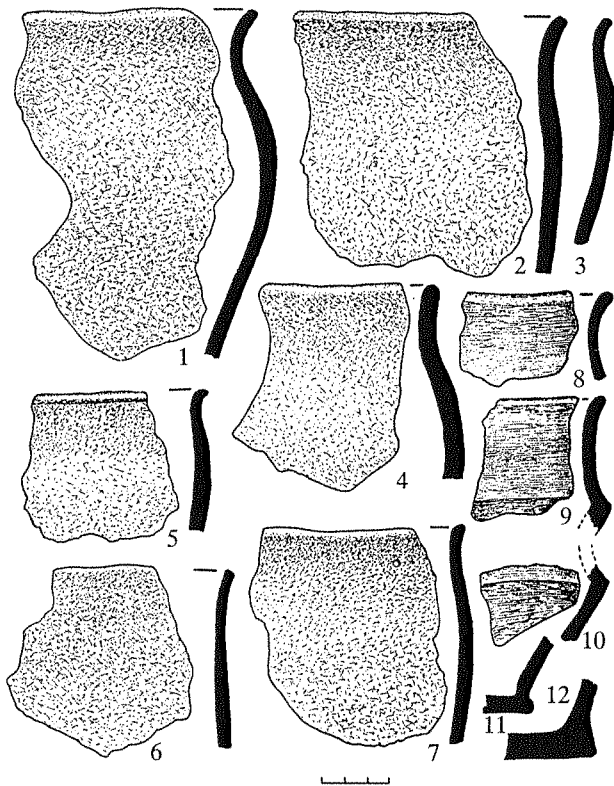

Рис. 3. Селище Микулино. Керамика из постройки: 1-7, 11, 12 – фрагменты лепных слабопрофилированных сосудов, профили их верхних частей и днищ; 8-10 – фрагменты лощеных ребристых мисок и профили их стенок.

сосудах днепровского варианта в течение длительного времени (Шмидт, 1992, рис. 17:1 и таб. 43:20), есть сочетания отпечатки веревочки и отверстий (рис. 2:7). 3. Слабопрофилированные сосуды, по форме и общему характеру напоминающие керамику типа 1 с рядом отверстий на шейке, но орнаментированные рядами прочерченных линий (“расчесы”), нанесенных гребнем или гребенчатым штампом (рис. 2:9–18). Керамика, украшенная “расчесами”, известна на значительных пространствах Верхнего Поднепровья и Подвинья, но нигде она не доминирует, а составляет небольшой процент при слабопрофилированной и неорнаментированной посуде такого же типа. Датируется керамика с расчесами III–IV вв. (Поболь, 1967, с. 236–238; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 52, 84–85). 4. Слабопрофилированная и неорнаментированная керамика, отдельные сосуды которой различаются по своим пропорциям (рис. 3). Такая керамика доминировала в материалах постройки на селище Микулино. Среди этой керамики есть сосуды сравнительно округлобокие с ярко выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком (рис. 3:1), но есть сосуды с менее выраженной

профилировкой в верхней части (рис. 3:2, 5, 7) и со слегка отогнутым ровным верхним краем (рис. 3:6). Почти вся посуда типа 4 имеет в той или иной степени отогнутый наружу венчик. Подобного облика керамика обнаружена на всех изученных поселениях в междуречье Днепра и Западной Двины и на всей территории тушемлинской культуры. 5. Лощеные ребристые миски, венчики которых отогнуты наружу (рис. 3:8, 9). Лощеные миски с подобным оформлением их верхней части зафиксированы на рассматриваемой территории из поселений: Шугайлово, Дроково, Заозерье, Близнаки, Соколя Гора. По своей форме они несколько напоминают миски из поселений мощинской культуры в Поднепровье (Наквасино и др.).

Рассмотренные материалы из Микулино отражают процесс формирования собственно тушемлинских типов керамики, которые станут господствующими в V–VII вв. и определяют весь облик культуры. Развитие форм керамики шло по линии изживания профилированных типов и утверждения слабопрофилированных форм, как бы продолжающих традиции керамики западно-двинского варианта днепро-двинской культуры с постепенной утратой орнаментации дырочками по шейке сосудов и кратковременным использованием “расчесов”. Последний прием орнаментации, скорее всего, отражает какие-то взаимоотношения с группами населения, формировавшимися южнее в Поднепровье при участии традиций, восходящих к культуре штрихованной керамики. Все это отражает определенную интеграцию традиций разных регионов восточно-балтских культур.

Материалы, полученные при изучении ряда поселений тушемлинской культуры в междуречье Днепра и Западной Двины, подтверждают общие закономерности развития керамического комплекса, отмеченные нами на примере селища Микулино. Так на селище Заозерье керамический комплекс включает и профилированную керамику всех вариантов (типа рис. 3:1–7), и слабопрофилированную, украшенную “расчесами” в таких же сочетаниях как на рис. 2: 14, 15, и лощеные ребристые миски (типа рис. 3:8, 9), и наземные постройки столбовой конструкции с овальными наземными очагами, в пределах которых были скопления керамических материалов. Все это и другие находки: глиняный грузик “дыякова типа”, бронзовые фибулы, височные кольца с утолщенными концами и пр., с одной стороны, датируют ранний период существования селища Заозерье второй половиной III–IV вв., а с другой стороны, дают основание для восточно-балтской атрибуции поселения. Такая же картина получена при изучении селища Шугайлово, где был выявлен вышеуказанный спектр керамики: от профилированной и орнаментированной защи-

пами по краю венчика, до слабопрофилированной гладкостенной или украшенной "расчесами" и лощеной с разными профилями стенок. Датировка древнейшего периода существования селища Шугайлово определяется, кроме ранних форм керамики, находками фрагмента бронзовой шейной гривны с ложковидными концами, бронзовой фибулой, как середина III–IV вв. Такие же типы керамики вместе с грузиком "дьякова типа" найдены на селище Куприно.

Время формирования и существования тушемлинской культуры приходится на период великого переселения народов, когда в Европе пришли в движение большие массы и отдельные группы населения. Этот процесс, в какой-то степени, охватил также Верхнее Поднепровье и Подвинье. Не исключено проникновение отдельных групп населения из Среднего и южной части Верхнего Поднепровья вверх по Днепру в пределы территории тушемлинских племен в период ее формирования и развития. Пришельцы могли оказать некоторое влияние на местное население и на их культуру, в том числе и на керамическое производство, чем объясняется наличие некоторых одинаковых форм сосудов как в колочинской, так и в тушемлинской культурах. Несомненно, существовали какие-то связи с южными областями, что подтверждается находками на городищах-убежищах Демидовка и Никодимово портупейных поясов с серебряной гарнитурой, серебряной пряжки, ornamentированной в гуннском стиле, подвески, инкрустированной цветной эмалью и даже находкой глиняного кубка, изготовленного на гончарном круге (Шмидт, 1970, с. 68–69, рис. 3, 4; Седин, 1994б, с. 16–19, рис. 1). Существовали связи с Прибалтикой и даже с Средней Европой, что подтверждается находками некоторых форм

браслетов, V-образных поясных пряжек, наконечников копий с пламеобразной формой пера, шпор, ножей с волотообразным завершением рукоятей и пр. Появление новых типов керамики и изменение форм керамики не обязательно были связаны с переселением или приходом нового населения. Все это могло появиться у тушемлинского населения в результате и торговых, и культурных связей, или заимствовано во время военных походов за пределы Верхнего Поднепровья и Подвинья. Отдельные вещи, как, например, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, найденные на пожарищах убежищ, вероятно, оказались у тушемлинцев при набегах грабительских дружин с юга. Все эти инновации не определяли общее развитие тушемлинских племен, формирование и дальнейшее развитие которых происходило на основе внутренних закономерностей, определявшихся, с одной стороны, субстратом и традициями, а с другой стороны, изменением природных условий и характером земледелия, а также общей обстановкой в жизни всех племен Верхнего Поднепровья и Подвинья в то бурное время. При этом этнокультурная принадлежность населения не менялась.

На значительных пространствах Верхнего Поднепровья и Подвинья в процессе формирования тушемлинской, банцеровской и колочинской культур, происходивших на основе разных по некоторым признакам предшествующих культур (днепро-двинской, штрихованной керамики и типа Адаменки), была общая закономерность развития, проявившаяся в конвергенции признаков, особо заметных в характере хозяйственной деятельности и, в частности, в производстве керамики, что, без сомнения, указывает на этнокультурную общность всех трех раннесредневековых культур.

ЛИТЕРАТУРА

Колосовский Ю. В., 1966 – Новые данные о памятниках 3-ей четверти I тыс. Верхнего Поднепровья Белоруссии // Тезісы дакладаў і паведамленняў Беларускай дэлегацыі на VI Міжнародным кангрэсе славянскай археалогіі. Мінск, 1966, с. 43–44.

Колосовский Ю. В., 1997 – Новые данные о раннеславянском поселении у д. Вежки в Оршанском Поднепровье // Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча. Мінск, 1997, с. 37–39, 75.

Левко О. Н., Колосовский Ю. В., 1994 – К вопросу о культурной принадлежности городищ третьей четверти I тысячелетия н.э. Оршанского Поднепровья // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і

сумежных тэрыторый. Магілёў, 1994, с. 133–141.

Мядзьведзеў А., 1994 – Насельніцтва Беларусі ў жалезным веку (VIII ст. до н.э. – VIII ст. н.э.) // Беларускай гістарычна агляд. Мінск, 1994. Т. 1, с. 15–37.

Микляев А. М., 1995 – Каменный-железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург, 1995. Т. 9, с. 3–39.

Минасян Р. С., 1972 – Селище Узмень // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1972. Вып. 14, с. 112–117.

Минасян Р. С., 1974 – Новые памятники раннего железного века на юге Псковской области // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1974. Вып. 14, с. 112–117.

логический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1974. Вып. 16, с. 133–140.

Митрофанов А. Г., 1978 – Железный век Средней Белоруссии. Минск, 1978.

Перхавко В. Б., 1992 – Один из компонентов материальной культуры раннесредневекового населения Белоруссии // *Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый ў эпоху жалеза*. Мінск, 1992, с. 86–88.

Поболь Л. Д., 1967 – Деревянное рало из торфяника у дер. Каплановичи // *Acta Baltico-Slavica*. Białystok, 1967. Т. 5, с. 117–128.

Поболь Л. Д., 1969 – Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья // *Древности Белоруссии*. Минск, 1969, с. 89–117.

Поболь Л. Д., 1970 – Памятники Южной Белоруссии // *Очерки по археологии Белоруссии*. Минск, 1970. Ч. 1, с. 138–150.

Поболь Л. Д., 1978 – Славянские древности Белоруссии. Минск, 1978.

Русанова И. П., 1976 – Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. Москва, 1976.

Седин А. А., 1994а – Древнее земледелие и скотоводство по материалам раскопок городища Никодимово // *Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый*. Магілёў, 1994, с. 114–127.

Седин А. А., 1994б – Клад из городища Никодимово // *Магілёўшчына*. Магілёў, 1994, с. 16–19.

Седин А. А., 1995 – Памятники третьей четверти I тысячелетия н.э. в междуречье Верхнего Сожа и Днепра // *Гістарычныя леса Верхняга Падняпроўя*. Магілёў, 1995. Ч. 1 (Археалогія), с. 131–152.

Седов В. В., 1960 – Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). Москва, 1960.

Седов В. В., 1970 – Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. Москва, 1970.

Седов В. В., 1994 – Славяне в древности. Москва, 1994.

Седов В. В., 1995 – Славяне в средневековье. Москва, 1995.

Станкевич Я. В., 1960 – К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // *Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н.э.* Москва, Ленинград, 1960, с. 7–323.

Сымонович Э. А., 1966 – О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья // *Советская археология*. 1966. № 3, с. 38–51.

Сымонович Э. А., 1972 – Опыт сопоставления керамики Белоруссии и балтийских племен I тыс. н.э. // *Беларускія старажытнасці*. Минск, 1972, с. 94–96.

Терпиловский Р. В., 1991 – Киевская культура и близкие ей памятники римского времени // *Гомельщина: археология, история, памятники*. Гомель, 1991, с. 36–38.

Терпиловский Р. В., Абашина Н. С., 1992 – Памятники киевской культуры. Киев, 1992.

Третьяков Н. Н., 1958 – Городища-святилища левобережной Смоленщины // *Советская археология*. 1958. № 4, с. 170–186.

Третьяков П. Н., 1963 – Древние городища Смоленщины // *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. Москва–Ленинград, 1963, с. 3–140.

Третьяков П. Н., 1970 – У истоков древнерусской народности. Ленинград, 1970.

Третьяков П. Н., 1985 – По следам древних славянских племен. Ленинград, 1982.

Шадыро В. И., 1985 – Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск, 1985.

Шадыра В. И., 1999 – Банцараўская культура // *Археалогія Беларусі*. Мінск. Жалезны век і ранняя сярэднявечча. 1999. Т. 2, с. 359–376.

Шмидт Е. А., 1963 – Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н.э. // *Славяне накануне образования Киевской Руси*. Москва, 1963, с. 51–67.

Шмидт Е. А., 1967 – Раскопки в Днепро-Двинском междуречье на Смоленщине // *Археологические открытия 1966 года*. Москва, 1967, с. 37–38.

Шмидт Е. А., 1970 – О культуре городищ-убежищ Левобережной Смоленщины // *Древние славяне и их соседи*. Москва, 1970, с. 63–69.

Шмидт Е. А., 1972а – Племена Смоленского Поднепровья и Подвинья в эпоху великого переселения народов // *Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран*. Смоленск, 1972, с. 3–46.

Шмидт Е. А., 1972б – Некоторые данные о земледелии и скотоводстве на территории Смоленской области во второй половине I тыс. н.э. // *Вопросы аграрной истории Центра и Северо-запада РСФСР*. Смоленск, 1972, с. 64–78.

Шмидт Е. А., 1983 – Работы в Смоленской области // *Археологические открытия 1981 года*. Москва, 1983, с. 103–104.

Шмидт Е. А., 1984 – Исследования в междуречье Днепра и Западной Двины // *Археологические открытия 1982 года*. Москва, 1984, с. 102–103.

Шмидт Е. А., 1992 – Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепродвинские племена (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). Москва, 1992.

Шмидт Е. А., 1994 – Проблемы хронологии тушемлинской культуры в верховьях Днепра // *Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый*. Магілёў, 1994, с. 104–113.

Шмидт Е. А., 1996 – Об этнической принадлежности племен тушемлинской культуры IV–VII вв. н.э. в верховьях Днепра // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Мінск, 1996. Т. 10, с. 33–37.

Шрамко Б. А., 1964 – Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника // *Советская археология*. 1964. № 4, с. 84–100.

APIE TUŠEMLIOS KULTŪROS FORMAVIMĄSI DNEPRO IR DAUGUVOS TARPUPYJE

Eugenijus Šmidtas

Santrauka

Tušemlios kultūra buvo išskirta šeštajame dešimtmetyje po P. Tretjakovo vykdytų piliakalnių–slėptuvių tyrinėjimų. XX a. antrojoje pusėje šią kultūrą tyrinėjo V. Sedovas, E. Šmidtas, A. Mitrofanovas, I. Rusanova, G. Štychovas, V. Šadyro, V. Perchavko, A. Sedižas, A. Medvedevas, I. Kolosovskis ir kiti. Buvo nustatytas minėtos kultūros egzistavimo laikotarpis (I tūkstantmečio vidurys ir trečias ketvirtis), apibūdinta jos paplitimo teritorija Viršutinės Padnieprės ir Padauguvės ribose, iškeltos jos etninės priklausomybės hipotezės. Archeologinė medžiaga ir hidronimijos duomenys liudija, kad I tūkstantmetyje su Tušemlios kultūra susijusių genčių gyvenamojoje teritorijoje būta baltų ir slavų, kurie tam tikrais etapais nulemdavo visos kultūros pobūdį. Manoma, kad pradžioje čia gyventa baltų, vėliau jų teritorijoje įsikūrė slavai, bet slavų įsikūrimo laikas ir keliai, taip pat I tūkstantmečio archeologinių kultūrų formavimasis ir jų etninė priklausomybė tebelieka diskutuoti klausimai. Zarubincų ir vėlyvosios Zarubincų kultūros genčių slaviškosios kilmės šalininkai mano, kad slavų įsikūrimas judėjo iš pietų Dnepro aukštupio link. Vieni jų mano, kad Zarubincų kultūros genčių kraustymasis ir viso Dnepro aukštupio įsisavinimas, nulėmęs visą tolesnę kultūros vystymąsi, vyko I–II a. (L. Pabolis). Kitų nuomone, vėlyvosios Zarubincų (Kijevo) kultūros genčių persikraustymas ir kultūros keitimasis vyko III–IV a., t. y. Tušemlios kultūra kūrėsi slavų senienų pagrindu (R. Terpilovskis). Treti mano, kad vėlyvosios Zarubincų (Koločino) kultūros genčių judėjimas ir jų įsikūrimas Dnepro aukštupyje ir Padauguvėje VI a. tapo Tušemlios kultūros pagrindu (J. Kolosovskis ir kt.). Taip pat egzistuoja hipotezė apie vėlyvosios Zarubincų kultūros genčių įsikūrimą tarp Tušemlios gyventojų V–VI a. ir jų ilgalaikį gyvenimą, vykstant lėtam baltų asimiliacijos tarp slavų procesui (P. Tretjakovas ir kt.). Be to, egzistuoja prielaida, kad I tūkstantmečio antrojoje pusėje slavai kraustėsi ne iš pietų, bet iš vakarų – iš Pavyslės ir Vidurio Europos (V. Sedovas). Visos išvardytos hipotezės yra nepakankamai pagrįstos ir sudarytos remiantis tiktais paskirais faktais, nekreipiant dėmesio į visą archeologinės medžiagos kompleksą.

Buvo pripažinta, kad Tušemlios kultūros formavimasis vyko III a. pabaigoje – V a. pradžioje. Prieš tai I–III a. Viršutinėje Padnieprėje ir Padauguvėje gyveno vėlyvojo Dnepro–Dauguvos kultūros etapo gentys, priklausiusios rytų baltų bendrijai. Išskirti du šios kultūros variantai: 1. Dnepro–Tušemlios piliakalnio viduri-

niojo sluoksnio tipo, kuriam būdinga profiliuota keramika (pav. 2: 4, 5 pavaizduoto tipo); tai rodė tam tikrą toliau į pietus paplitusių Dnepro kultūrų poveikį: Djakovo tipo moliniai svareliai, antžeminiai stulpinės konstrukcijos pastatai su ovaliniais židiniiais, apvalios šventyklos gyvenvietės ir kt. 2. Dauguvos tipo su silpnai profiliuota keramika, kurios dalis palei indo kaklelį buvo puošiama kiaurymių eile (pav. 2: 1, 2, 7); čia profiliuota keramika nebuvo plačiai paplitusi, kiti kultūros elementai buvo tokie pat, kaip ir Dnepro. Tušemlios kultūra ir susiformavo šių dviejų Dnepro–Dauguvos kultūros variantų pagrindu.

Geriausiai ištyrinėti III a. pabaigos – VII a. paminklai, esantys Smolensko–Oršos Padnieprėje bei Dnepro ir Dauguvos (jos dalyje tarp Mežos upės žiočių iki Vitebsko miesto) tarpupyje (pav. 1). Tiriant teritoriją gauta medžiaga leidžia smulkiai išnagrinėti Tušemlios kultūros susidarymo ypatybes. III–IV a. dėl pasikeitusių gamtinių sąlygų ir pagrindinės ūkio šakos – žemdirbystės, naudojant medinį arklą, plėtros gyventojai palieka piliakalnius ir įkuria gyvenvietes nuolaidžiuose upių ir ežerų krantuose, arti vandens ir naujai įsisavintų žemių. Kai kuriose šių gyvenviečių buvo vykdomi kasinėjimai. Gyvenvietėje prie Mikulino kaimo, esančioje vandenskyroje Dnepro ir Dauguvos tarpupyje, viename pastate buvo aptiktas uždaras daiktų kompleksas. Jame rasta daug įvairių tipų keramikos, geležinė yla, pjautuvo formos peilis ir plokščias ypatingos formos peilis (pav. 2: 2), molinis verpstukas ir Djakovo tipo svarelis (pav. 2: 19). Esama tokių keramikos fragmentų: 1. silpnai profiliuotų indų su kiaurymių eile ant kaklelio (pav. 2: 1, 2); 2. profiliuotų indų (pav. 2: 4, 5); 3. silpnai profiliuotų indų, puoštų šukų braukomis (pav. 2: 9–18); 4. įvairių proporcijų silpnai profiliuotų ir neornamentuotų indų (pav. 3); 5. glūdintų briaunuotų dubenėlių (pav. 3: 8–10). Keramikos kompleksas atspindi indų formos raidą kultūros formavimosi laikotarpiu. Pamažu buvo išstumiamos profiliuotos formos ir įsitvirtino silpnai profiliuotos, tęsiančios šios kultūros Dauguvos varianto keramikos tradicijas, bet be kiaurymių ornamentacijos ant indo kaklelio. Šukų braukų ornamentas buvo naudojamas trumpai. Šis daiktų kompleksas rodo pagrindinių Tušemlios kultūros požymių formavimąsi Dnepro–Dauguvos kultūrų substratinių elementų pagrindu, išsaugant etnokultūrinę tradicijas. Toks pat keramikos rinkinys (bet be indų su kiaurymių eilėmis ir Dja-

kovo tipo svarelių) buvo rastas Zaozerjės, Šugailovo ir Kuprino gyvenvietėse.

Didžiojo tautų kraustymosi laikotarpiu, kai formavo si ir gyvavo Tušemlios kultūra, tikriausiai į šiaurines Padnieprės sritis įsiverždavo nedidelės kitų genčių grupės. Tai turėjo įtakos tokių gyvenviečių, kaip Lachtejevo, Demidovkos, keramikai, kuriose aptinkami cilindro-kūgio formos puodai, taip pat puodai apvalintais šonais su prilipdytu indeliu. Bet šie gyventojai Tušemlios genčių teritorijoje nedominavo, jie nenulėmė jos etnoso ir buvo asimiliuoti vietinių baltų. Esminiai kultūros pokyčiai bei slavų paplitimas nagrinėjamoje teritorijoje įvyko išnykus Tušemlios kultūrai, jau po VII ir VIII a. sandūros.

ILIUSTRACIJŲ SĄRAŠAS

1 pav. Tušemlios kultūros archeologijos paminklų išsidėstymo Dnepro ir Dauguvos tarpupyje schema: 1 – Uzmenai, 2 – Berkovas, 3 – Podosinkis, 4 – Jerilovas, 5 – Przevalskoje, 6 – Šugailovas, 7 – Sokorevas, 8 – Kovaliai,

9 – Drokovas, 10 – Akatovas, 11 – Mikulinas, 12 – Zaozerjė, 13 – Perevoročjė, 14 – Kurlynas, 15 – Kislaja, 16 – Semionovas, 17 – Alfimovas, 18 – Kasplia, 19 – Vitebskas, 20 – Dubrovas, 21 – Zaborjė, 22 – Bliznakai, 23 – Viazovenka, 24 – Kolodnia, 25 – Kuprinas, 26 – Budkovas, 27 – Katynė, 28 – Sokolja Gora, 29 – Oziorai, 30 – Curkovka, 31 – Demidovka, 32 – Cerkoviščė, 33 – Šapyrevas, 34 – Berezinka, 35 – Germanai, 36 – Čerkasovė, 37 – Vežkai, 38 – Lachtejevas, 39 – Voškinas, 40 – Kolyčėvas, 41 – Gorodokas, 42 – Prudkai, 43 – Astaškovas, 44 – Sloboda-Glošica, 45 – Tušemlia, 46 – Ustjė, 47 – Vasiljevas, 48 – Jelovcai, 49 – Nikodimovas, 50 – Petropoljė, 51 – Anosinkai.

2 pav. Mikulino gyvenvietė. Keramika ir daiktai iš pastato: 1–18 – lipdytinių indų ornamentų fragmentai; 19 – Djakovo tipo molinis svarelis; 20 – geležinis peilis.

3 pav. Mikulino gyvenvietė. Keramika iš pastato: 1–7, 11, 12 – silpnai profiluotų lipdytų indų fragmentai, jų viršutinių dalių ir dugnų profiliai; 8–10 – glūdintų briaunotų dubenėlių fragmentai ir jų sienelių profiliai.

Iš rusų k. vertė Inita Tamošiūnienė

FORMATION OF TUSHEMLIA CULTURE IN THE MIDRIVER OF DNEPR AND DAUGUVA

Eugenij Shmidt

Summary

The Tushemlia culture was marked out in the sixth decade. P. Tretjakov executed the investigations of the hill-forts – refuges. In the second half of the 20 century this culture was investigated by V. Sedov, E. Shmidt, A. Mitrofanov, I. Rusanova, G. Shtychov, V. Shadyro, V. Perchavko, A. Sedizh, A. Medvedev, I. Kolosovskij and other. It has been determined the existence of is culture (middle of the 1st millennium and the third quarter), characterised its spreading territory within the territorial range of Upper Dnepr and Dauguva riversides, raised the hypothesis on its ethnic dependence. The archaeological material and the data of hydronimia witness that there was the presence of the Balts and Slavs tribes in the territory of the tribes related to the Tushemlia culture in the 1st millennium that predetermined the character of the culture in some stages. It is believed that the Balts used to live there at first, and later the Slavs settled in their territory, but the time and ways of the settlement of the Slavs, their ethnical dependence and at the same time the formation of the archaeological cultures of the 1st millennium leave the question still to be discussed. The supporters of the Slavonic origin of the Zarubincy and the late Zarubincy tribes think that the settlement of the Slavs moved from the southern part of Dnepr towards its riverhead. Some of them think that the movement of the tribes of the Zarubincy culture and the settlement of the

whole riverhead of Dnepr took place in 1–2 centuries and this caused the further culture development (L. Pobel). According to other opinions the movement of the tribes of the late Zarubincy (Kiev) culture and the change of culture took place in the 3–4 centuries, e.g. formation of Tushemlia culture took place on the basis of the antiquities of the Slavs (R. Terpilovskij). The third thinks that that the movement and the settlement in the riverhead of Dnepr and Dauguva riverside of the tribes of the Zarubincy (Kiev) cultures became the basis of the Tushemlia culture in the 6 century (J. Kolosovskij, etc.). Also there exists the hypothesis about the settlement of the tribes of the late Zarubincy culture among the inhabitants of Tushemlia in the 5–6 centuries and their long term living at the same time and the slow process of assimilation of Balts among the Slavs also took place (P. Tretjakov, etc.). There also exists the presumption that in the second part of the 1st century the Slavs migrated not from the South, but from the West – from Visla riverside and the Middle Europe (V. Sedov). All said hypotheses are not grounded without enough and concluded only on the chaotic facts paying attention to the whole complex of the archaeological material.

There has been recognised that the formation of Tushemlia culture took place at the end of the 3rd – the beginning of the 5th centuries. Before that in the 1–3 cen-

turies in the Upper Dnepr and Daugava riversides the tribes of the stage of the late Dnepr–Daugava culture used to live there that belonged to the community of the Balts. There have been pointed out two options of this culture: 1. Of a middle layer of the Dnepr–Tushemlia type, the profile styled ceramics is the feature of which (Fig. 2: 4, 5 described type); this reflected the impact of the Dnepr cultures spreading further to the South: small weights made of clay of a Dyakov type, overground buildings of a pole construction with the oval hearts, rounded temples in the settlements, etc. 2. Of a Daugava with the slightly profiled ceramics, the part of which near the vessel's neck has been decorated by the row of mouths (Fig. 2: 1, 2, 7); the profiled ceramics was not so widely spread there, other culture elements were the same as in the Dnepr option. The Tushemlia culture formatted on the basis of the options of these two cultures of Dnepr–Daugava.

The better examinations are made of the sites from the end of the 3rd – 7 centuries that are located in the midriver of the Dnepr riverside of Smolensk – Orsha and Dnepr – Daugava (in the part between the riverhead of Orsha and Vitebsk town) (Fig. 1). By the material gained during the investigations of the territory it is possible to investigate precisely the peculiarities of the formation of the Tushemlia culture. In the 3–4 centuries regarding the changed natural conditions and the development of the main economy branch – agriculture using the wooden plough – the inhabitants leave the fort-hills and settle in the settlements located in the slope banks of the rivers and lakes, near water and newly acquired lands. In some settlements the excavations were executed. In the settlement near the Mikulino village which is located in the watershed of the midriver between Dnepr and Daugava, in one building there were found the closed complex of artefacts. There were many ceramics of the different types, iron awl, knife of a sickle shape and the flat knife of the special kind found (Fig. 2: 2), clay paddle spinning frame and the weight of a Dyakov shape found (Fig. 2: 19). There are also available the following fragments of ceramics: 1) weakly profiled vessels containing row of mouths near necks (Fig. 2: 1, 2); 2) profiled vessels (Fig. 2: 4, 5); 3) weakly profiled vessels, decorated using the comb element (Fig. 2: 9–18); 4) vessels of the weak profile and non ornamented (Fig. 3); 5) polished bowls containing edges (Fig. 3: 8–10). The complex of ceramics reflexes the evolution of the vessels during the formation of the culture. Gradually there were excluded the profiled forms and the weakly profiled forms strengthened their positions that continued the traditions of the option of the Daugava ceramics but without the ornament of mouth on the vessels' necks. The ornaments using the comb elements were used for a

short time. This complex of artefacts reflects the formation of the signs of the Tushemlia culture on the basis of the substrat elements of the cultures of Dnepr–Daugava at the same time preserving the ethnoculture traditions. The same set of ceramics (but without the vessels containing the mouths and weights of a Dyakov type) was found in the settlements of Zaozerye, Shugailovo and Kurpino.

During the time of the great migration period of the nations when the Tushemlia culture was formed and existed, it seems that some groups of the other tribes attacked the areas near Dnepr. This had the influence on the ceramics of the settlements of Lachteyevo, Demidovka, where vessels of the cylinder – cone shape as well as the vessels of the rounded shape with the small vessel stuck on are found. But these inhabitants were dominating in the territory of Tushemlia tribes, at the same time they were not the determining factor of the ethnons and were assimilated by the local Balts. Essential changes of the culture and spreading of the Slavs within the discussed territories happened after the Tushemlia culture vanished, after the junction of the 7 and 8 centuries.

THE LIST OF ILLUSTRATIONS

Fig. 1. Scheme of the location of the archaeological sites of the Tushemlia culture in the middle rivers of Dnepr and Daugava: 1 – Uzmen, 2 – Berkovo, 3 – Podosinki, 4 – Ierilovo, 5 – Przhevalskoye, 6 – Shugailovo, 7 – Sokorevo, 8 – Kovali, 9 – Drokovo, 10 – Akatovo, 11 – Mikulino, 12 – Zaozerye, 13 – Perevolochye, 14 – Kurlyn, 15 – Kislaya, 16 – Semionovo, 17 – Alfimovo, 18 – Kasplya, 19 – Vitebsk, 20 – Dubrovo, 21 – Zaborye, 22 – Bliznaki, 23 – Viazovenka, 24 – Kolodnya, 25 – Kuprino, 26 – Budkovo, 27 – Katyn, 28 – Sokolya Gora, 29 – Oziory, 30 – Curkovka, 31 – Demidovka, 32 – Cerkovichche, 33 – Shapyrevo, 34 – Berezinka, 35 – Germany, 36 – Cherkasove, 37 – Vezhky, 38 – Lachteyevo, 39 – Voshkino, 40 – Kolychevo, 41 – Gorodok, 42 – Prudki, 43 – Astashkovo, 44 – Sloboda – Glushica, 45 – Tushemlia, 46 – Ustye, 47 – Vasilyevo, 48 – Jelovcy, 49 – Nikodimovo, 50 – Petropolye, 51 – Anosinki.

Fig. 2. Mikulino settlement. Ceramics and artefacts from the building: 1–18 – fragments of the ornaments of modelled vessels; 19 – clay weight of a Dyakov type shape; 20 – iron knife.

Fig. 3. Mikulino settlement. Ceramics from the building: 1–7, 11, 12 – fragments of the vessels of the weak profiled, modelled vessels, profiles of their upper parts and bases; 8–10 – fragments of the polished rimmed bowls and profiles of their walls.

Translated from Lithuanian by Rasa Tolvaišaitė